Минерва МакГонагалл, вернувшись в Хогвартс, провела ночь в мучительных размышлениях. Утро застало ее в своей комнате, где она, позавтракав в тишине, поняла: ей необходимо поговорить с кем-то. Не раздумывая, она схватила Летучий порох и, глубоко вздохнув, бросила щепотку в камин. — "Хогвартс, Кабинет Чародейства", — твердо произнесла она. Пламя вспыхнуло зеленым, и, опустившись на колени, она просунула голову в камин, неуверенно произнеся: — "Филиус? Ты здесь?"— "Проходите, Минерва", — тихо, но твердо ответил Флитвик. В его голосе слышался приказ, но МакГонагалл, погруженная в свои мысли, не обратила на это внимания и переступила порог. С облегчением она вошла в кабинет своего друга. — "Спасибо, что принял меня, Филиус", — сказала она. Флитвик обошел стол и сел в свое высокое кресло. — "Присаживайтесь, Минерва", — сказал он, жестом указывая на кресло напротив. И снова его голос звучал ровно и властно. МакГонагалл, неосознанно следуя его указаниям, не заметила отсутствия теплоты в его тоне. — "Мне нужно... нам нужно... извиниться перед мистером Поттером, Филиус", — начала она. — "Я не понимала, насколько сильно мы подвели этого мальчика, пока авроры Амелии не выложили мне все..."— "Стоп, Минерва!" — Флитвик вскинул руку, подняв ее в универсальном жесте остановки — плоская ладонь с сомкнутыми пальцами, направленная вертикально вверх. МакГонагалл замолчала, шокированная его резким тоном. Флитвик, убедившись, что ее внимание полностью приковано к нему, продолжил, все тем же тихим, но твердым голосом: — "Вам не нужно извиняться перед мистером Поттером, Минерва; вы просто хотите извиниться перед лордом Поттером. Да и то из эгоистических соображений".МакГонагалл, казалось, хотела возразить, чуть заметно подняв брови. Лицо Флитвика исказилось, и он выглядел готовым зарычать. МакГонагалл, наконец, поняла, что это за выражение, и ее отношение к происходящему мгновенно изменилось. Она испуганно присела обратно на кресло. — "Ф-филиус?" — жалобно спросила она.— "Весь персонал этой школы подвел этого мальчика, Минерва", — сказал он, вернувшись к прежнему ровному, властному тону. МакГонагалл поняла, что этот голос принадлежал человеку, чьи щиты окклюменции были подняты на максимум, чтобы контролировать свои эмоции. Она легко догадалась, что эмоция, которую пытался скрыть ее давний друг, была гнев. — "Для некоторых — таких, как Летучая мышь и Септима, не имевших прямого контакта с мальчиком, — это было связано с тем, что они не очень внимательно следили за происходящим. И никто не мог и не должен был ожидать от них этого, учитывая, что есть и другие сотрудники, имеющие более непосредственный контакт. "Что касается других — например, меня, который общается с мальчиком как один из его учителей, — то мы не наблюдали за ним и не были настороже, как, черт возьми, должны были". — "А тут еще вы", — огрызнулся он, и гнев снова начал прорываться сквозь барьеры. — "Ты должен был быть старостой этого дома. Не говоря уже о том, что вы также являетесь заместителем директора школы, в ваши обязанности входило обеспечить безопасность мальчика, как и всех остальных учеников. Вы не справились! "Из воспоминаний мальчика я также понял, что Вы частично ответственны за то, что мальчик был отдан на попечение жестоким маглам. Это делает вас виновным в создании опасности для детей и жестоком обращении с ними по доверенности. То, что вы сделали это в сговоре с Альбусом Дамблдором и Рубеусом Хагридом, добавляет обвинение в заговоре. И всё это в течение нескольких часов после того, как мальчик стал сиротой. То, что вы сделали это, будучи заместителем директора школы, независимо от того, исполняли ли вы эту роль в то время или нет, и то, что это было преступление против ребёнка, делает вас теперь неправомочной занимать должность, имеющую власть над любым ребёнком, не говоря уже о должности профессора над студентами этой школы". — "До тех пор, пока мне не стало известно об уровне жестокого обращения с мальчиком, даже до того, как он поступил в Хогвартс и подвергался здесь систематическому насилию, я относился и к Вам, и к Дамблдору с большим доверием. Очевидно, я был глупцом, поступая так. Моё доверие к любому из вас стало меньше, чем плавающая в шахте пыль, с того момента, как я узнал об этом".Подняв палец в воздух и направив его на нее, чтобы подчеркнуть свою точку зрения, он продолжил: — "Не сомневайтесь, Минерва МакГонагалл, вы подвели этого мальчика и, таким образом,

подвели себя. Я твердо уверен, что из-за этого вы потеряете свою работу. Затем, из-за моего явно неуместного доверия к вам и старику, я полагаю, что потеряю и свою должность". — "В крайнем случае, мы оба станем только профессорами. Я уже знаю, что потеряю статус старосты; а вы потеряете и статус старосты, и должность заместителя старосты".Опустив глаза, которые начали увлажняться от непролитых слез, МакГонагалл мягко спросила: — "Может быть, я могу поговорить с ним и извиниться?"Флитвик немедленно ответил: — "Прежде чем вы успеете произнести хоть слово, вас снова арестуют и обвинят в фальсификации показаний. Тогда вы лишитесь и профессорского звания... если оно ещё в силе".Когда МакГонагалл с позором опустила голову, Флитвик вздохнул и более мягко сказал: — "На самом деле, Минерва, я не знаю, сможете ли вы это пережить, не говоря уже о том, чтобы остаться преподавателем". — "Насколько мне известно, вы были с Дамблдором и Хагридом, когда юного Гарри буквально бросили на пороге дома его ненавидящих магию родственников-маглов. То, что после смерти отца, случившейся всего несколькими часами ранее, он стал титулярным Главой благородного и древнейшего на тот момент Дома... поскольку Дамблдор не имел права отбирать мальчика у его законного опекуна... означает, что вы были соучастником похищения такого Главы. А это может легко означать — если вас, конечно, признают виновным — что вас ждёт путешествие через Вуаль или свидание с дементором".Ее невозмутимость при упоминании казни, лишь легкая гримаса на лице, говорила о том, что МакГонагалл прекрасно понимала: ее казнь – не просто гипотетическая угроза, а весьма реальная возможность. Она снова обратилась к старой подруге, взгляд ее был почти мольбой. На рукаве ее мантии красовалось вышитое сердце.— Что мне нужно сделать? — почти шептала она. — Что я могу сделать? Я надеялась, что… хотя бы извинившись перед мальчиком… возможно, это не отменит приговор… но, тем не менее, это будет правильным поступком.— Возможно, и так, — кивнул полугоблин, — но все это теперь дело ОМП. Вам запрещено приближаться к нему в каком бы то ни было виде. Не сомневаюсь, что авроры предупредили вас об этом, как и меня.Она кивнула в ответ.— Тогда вы не можете подойти к нему даже для того, чтобы извиниться, — твердо произнес полугоблин. — Если вы это сделаете, вы навредите своей защите. А это значит, что шансы избежать казни уменьшатся.— Я хочу, чтобы он знал, — мягко, но твердо сказала она.— Тогда мы поднимем этот вопрос перед аврорами и спросим их первыми, — ответил он. — Но напрямую к нему обращаться не будем.

http://tl.rulate.ru/book/100269/3427045